

УДК 94(4):94(5)

О.Б. Бубенок**СООБЩЕНИЕ ЕПИСКОПА ФЕОДОРА ОБ АЛАНСКИХ «ВЫСЕЛКАХ»
В «СКИФИИ И САРМАТИИ» И СТЕПЕНЬ ЕГО ДОСТОВЕРНОСТИ**

В статье анализируется информация епископа Феодора, посетившего в начале XIII в. земли Северного Причерноморья и Северного Кавказа, о добровольном переселении северокавказских аланов в пределы «Скифии и Сарматии». В результате удалось прийти к выводу, что Феодор называл «Скифией» степные пространства Северного Причерноморья и Северного Кавказа, а под «Сарматией» подразумевал территории, расположенные на восток от Северного Кавказа. Этот вывод согласуется со сведениями некоторых письменных источников об аланском населении и в городах степной части Восточной Европы, и в Хорезме накануне прихода монголов. Данные археологии и антропологии фиксируют также выходцев из северокавказской Алании в Белой Веже на Дону, в Нижнем Приднепровье и на территории Волжской Булгарии в X – начале XIII вв. Таким образом, в сообщении Феодора речь идет о переселениях купцов с территории северокавказской Алании.

Ключевые слова: епископ Феодор, аланы, Скифия и Сарматия, миграции, купцы.

Епископ Феодор, посетивший после 1222 г. земли крымских и северокавказских аланов, оставил один интересный пассаж об аланах в разделе 5 своего «Аланского послания»: «племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Ивериян, древний предел их родины; они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию» [20. С. 17, 26]. Исследователь и переводчик источника Ю. А. Кулаковский не смог определить, к какому времени относится это событие. Понятно только, что речь идет о целенаправленных миграциях аланов с Северного Кавказа.

В хазарский период такие переселения не могли носить добровольный характер. На сегодня существует более пяти гипотез о причинах переселения аланов в VIII в. с Северного Кавказа в Подонье, и ни одна из них не отмечает, что это произошло добровольно. Стало быть, это могло произойти во второй половине X – начале XIII вв., когда наметился расцвет северокавказской Алании.

Поэтому важно понять, что подразумевали византийские авторы XI–XIII в. под названиями «Скифия и Сарматия». Нельзя полагаться на модель Птолемея, согласно которой существовали Европейская и Азиатская Сарматия, а также Скифия. Получалось, что границей между Европейской и Азиатской Сарматиями была р. Дон, то есть Азиатская Сарматия находилась между Доном и Волгой, а на востоке от Волги – Скифия. В средние века такая модель получила распространение лишь среди западноевропейских историков и картографов. Что же касается Византии и близких к ней по культуре стран, то там «Скифией» называли земли Северного Причерноморья от Дуная до Дона (Танаиса), что соответствовало представлениям Геродота. Соответственно, «скифами» византийцы называли кочевников причерноморских степей.

Так, в конце XII в. византийский автор Никита Хониат сообщал, кто был союзником болгар в войне против византийского императора Исаака II Ангела в 1186 г.: «... скифы, народ до этого непобедимый, негостеприимный и очень воинственный, и те из Вордоны, которые презирают смерть, ветвь тавроскифов, и они народ любимый Аресом и соединившись с варварами, живущими на Гемосе, склонились при их поражении и погибли» [23. С. 35-36; 3. С. 199]. Исследователи давно пришли к выводу, что здесь *Гемос* – это Балканы, *тавроскифы* – русские (восточные славяне), а *скифы* – куманы-половцы. Таким образом, в соответствии со схемой Геродота, на восток от Скифии должна была начинаться Сарматия (Савроматия).

Однако нам важнее знать, не то, как представлялись предшественникам Феодора эти термины, а то, какие значения вкладывал сам Феодор в понятия «Скифия и Сарматия». Так, в начале своего письма (разд. 4) он упоминает «Херсон и скифская страна» [20. С. 17]. В 8 разделе письма читаем: «Но пропади ты с нечестивыми и безбожными Аланами, которые хуже скифов!» [20. С. 18]. Из содержания письма следует, что, вследствие действий херсонского епископа, Феодор и его отец отправились зимой дальше на восток морским путем и с большими трудностями достигли берегов Боспора, где к своей пастве должен был пристать отец Феодора. В 9 разделе земли «скифов» локализуются уже вблизи Боспора: «Когда же мы достигли некоторой свободы и стали помышлять о путешествии

сообразно с целями каждого, то направились непосредственно на Боспор. Устрашало и время – середина зимы, и нападение Скифов на Боспор. Тем не менее, мы насильовали путь, рискуя не достигнуть цели. Кто бы сумел рассказать о скифских бедствиях?». Тем не менее, правитель Боспора не разрешил епископу приступить к выполнению своих обязанностей и не пустил его на территорию епархии [20. С. 18-19]. Далее, в 11 разделе письма, Феодор сообщает: «Когда нам не разрешили вступить туда, мы обратились в другую страну, более обширную и более суровую, что нам ни предстояло испытать. Отец (мой) остался там среди самого небольшого числа Алан, перенося всякие бедствия, бедность, поношения, обиды, ибо не все приемлют слово духовное... А мы направились в середину Скифии на 60 дней пути» [20. С. 18-19]. После этого епископ Феодор достиг земель северокавказских аланов.

В связи со сказанным большой интерес представляет предположение В. А. Кузнецова о том, что накануне монгольского нашествия аланское население могло сохраняться «в устье Дона-Танаиса» и отец епископа Феодора после неудачной попытки остаться на Боспоре мог направиться именно сюда и остаться среди местных аланов-христиан [19. С. 210]. Отсюда понятна продолжительность пути в 60 дней – сначала миссионеры отправились морским путем из Боспора в низовья Дона, а далее уже Феодор направился на земли Центрального Предкавказья, по-видимому, по суше. Однако возможна и иная локализация этих аланов: земли соседнего с Боспором Северо-Западного Кавказа, откуда Феодору пришлось бы зимой пробираться сквозь горные перевалы в северокавказскую Аланию. Такой маршрут тоже мог занять около 60 дней.

Как бы то ни было, получается, что представления епископа Феодора о «Скифии» и «землях скифов» отличались неопределенностью: в понятие «Скифия» он вкладывал не только степные пространства Северного Причерноморья, включая степи Крыма, но и степи Северного Кавказа. Если следовать логике Феодора, то получается, что «Сарматия» – это пространство, расположенное на восток от «Скифии», то есть от Северного Кавказа.

Сведения Феодора дают основания полагать, что до него северокавказские аланы расселились не только в степях Северного Причерноморья, но и дальше на восток. Характерно, что данное предположение согласуется со сведениями некоторых письменных источников. Так, об аланском населении накануне прихода монголов как в городах степной части Восточной Европы, так и в Хорезме сообщали Г. Рубрук (г. Суммеркент), И. Барбаро (г. Тана) и П. Карпини (г. Орнас–Ургенч).

Особый интерес представляют записки венецианского автора XV в. И. Барбаро, который сообщает, что часть населения города Тана, расположенного в устье Дона, в начале XIII в. составляли аланы, подвергшиеся нападению монголов [1. С. 139-140]. Известно, что г. Тана возник в конце XII в. как торговое поселение венецианских купцов на изменившемся основном рукаве устья Дона, ныне называемом Старый Дон. После 1204 г. контроль над городом перешел к Генуе, превратившей его в военно-торговую крепость. Следовательно, население Таны могло быть полиэтничным до того, когда его захватили монголы.

Только завершив покорение Северо-Восточной Руси и Нижнего Поволжья, монголы смогли бы во второй половине 1238 г. направиться в степи Северного Кавказа и Нижнего Подонья. Именно тогда они могли обрушиться на г. Тана в нижнем течении Дона. И. Барбаро сообщает об этом следующее: «...предводитель аланов... Индиabu услышал, что татарский хан идет на него войной, он решил захоронить сокровище, но так, чтобы никто этого не заметил; поэтому он сделал вид, что приготавливает для себя могилу по местному обычаю, и приказал потайно положить туда сначала то, что он считал нужным, и потом насыпать этот курган» [1. С. 139-140].

И если сведения о курганах, как о вместилищах сокровищ аланов, следует считать легендой, возникшей, вероятно, еще во времена античности, то информация И. Барбаро о нахождении аланов в Тане накануне прихода монголов выглядит как исторический факт. Поэтому, комментируя сообщение И. Барбаро об аланском вожде Индиabu, З. Н. Ванеев отметил: «Представляется возможным, что Индиabu был владельцем придонских алан и, быть может, г. Тана был его резиденцией... Известие И. Барбаро служит веским доказательством присутствия в средние века аланского населения в Подонье. В то же время известие об Индиabu свидетельствует о том, что в ту эпоху отдельные аланские племена возглавлялись своими владельцами» [10. С. 48-49].

Отмечены были аланы письменными источниками и в более восточных районах, в связи с чем обратим внимание на сообщение посетившего в середине XIII в. район Поволжья Г. Рубрука о городе Суммеркент: «...Этилия [Волга. – О. Б.] образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправ-

лялись через эту реку в 7 местах. При среднем рукаве находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины...» [2. С. 185]. По мнению Н. П. Шастиной, комментатора Г. Рубрука, Суммеркент Рубрука мог представлять собой город Сакассин, упоминаемый в XV в. мусульманским географом Абд ар-Рашидом и впоследствии затопленный Волгой [2. Прим. 283]. Если Суммеркент Г. Рубрука действительно был загадочным городом Саксином (Сакассином), то особый интерес должна представлять его локализация на Волге. По мнению А. Ю. Якубовского, Саксин находился вблизи устья Волги [14. С. 23].

Аланы были зафиксированы даже в Средней Азии. Так, Плано Карпини, посетивший в 40-е гг. XIII в. земли Монгольской империи, отметил наличие аланов в предмонгольский период в столице Хорезма – Ургенче, известном ему как Орнас: «Пошли они [монголы. – О. Б.] также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар, Русских, Аланов и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми» [3. С. 46]. Однако нам не ясно, были ли упомянутые в городах Волго-Донья и Хорезма аланы выходцами из северокавказской Алании. Поэтому большое значение может иметь культурная атрибуция этих аланских переселенцев.

В конце X – начале XIII вв. погребальный обряд населения северокавказской Алании стал принимать единообразные черты, что было связано с распространением христианства [20. С. 1-18], в связи с чем особый интерес представляют исследованные В. А. Кузнецовым в Карачаево-Черкессии христианские могильники у Нижне-Архызского городища. Преобладающим типом погребальных сооружений там были каменные ящики – безусловный пережиток языческой эпохи. С дохристианскими верованиями следует связывать также наличие парных захоронений, а также присутствие древесного угля, мела, редкого инвентаря. А в остальном погребальный обряд наследует чисто христианские черты: все погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад [16. С. 182-185; 11].

Что же касается могильника возле городища Верхний Джулат на территории Северной Осетии, возникшего в XII в., то здесь вблизи от церкви все захоронения совершены в соответствии с христианскими канонами. Погребенные лежали на спине, головой на запад, в деревянных гробах, от которых во многих могилах сохранились следы. Заупокойная пища и инвентарь в могилах, как правило, отсутствовали [21. С. 87-106].

В предмонгольский период в северокавказской Алании христианство лишь внешне коснулось отдельных групп населения, что отразилось в местных памятниках материальной культуры. Особо показателен Змейский катакомбный могильник, функционирование которого относится к X–XII вв. Исследованиями данного памятника установлено, что часть местного населения при погребении умершего продолжала придерживаться языческих традиций, что подтверждает наличие семейных склепов-катакомб, инвентаря, конских захоронений на территории могильника и т. п. Хотя в отдельных захоронениях встречались и нательные крестики [9].

Антропологические исследования, проводившиеся на Северном Кавказе, в частности, анализ черепов Змейского могильника и Верхнего Джулата свидетельствуют в пользу того, что среди населения Алании в XI – начале XIII в. преобладал местный кавкасионский тип, к тому времени уже полностью вытеснивший долихокранный, традиционно связываемый с аланами [7. С. 105-121]. Исходя из сказанного, можно согласиться с мнением В. А. Кузнецова о том, что в предмонгольский период на территории Алании имел место процесс “синтеза кавказского субстрата и ираноязычного суперстрата” [17. С. 73].

В подтверждение этого В. П. Алексеев высказал наблюдение, согласно которому на протяжении всего средневековья Северный Кавказ был зоной распространения двух антропологических вариантов – «массивного, относительно широколицего, с тенденцией к круглоголовости, и грацильного, узколицего, длинноголового». Круглоголовый антропологический вариант, по наблюдениям ученого, был распространен в пределах современной Северной Осетии – могильники у ст. Змейской, Верхнего Джулата, Харха. Что же касается узколицых грацильных европеоидов, то могильники, содержащие серии данно-

го типа, распространены в западной части Северного Кавказа, то есть в Прикубанье (Геберда, Адиух и т. п.). Лишь могильник «Мошечая Балка», находящийся в указанном районе, по мнению В. П. Алексеева, составляет исключение, так как из него «получена массивная и сравнительно широколицая серия» [6. С. 281]. Стало быть, захоронения выходцев из северокавказской Алании в предмонгольский период должны представлять собой, в первую очередь, захоронения долихокранов средиземноморского типа, совершенные по христианскому обряду в могильных ямах с каменными плитами.

Могильники предмонгольского времени, похожие на северокавказские, были зафиксированы в Солонянском районе Днепропетровской области на о. Кизлевом и в Вильнянском районе Запорожской области близ села Ясиноватое. На о. Кизлевом были обнаружены 3 погребения. Погребенные там лежали в узких прямоугольных ямах, выложенных поставленными на ребро гранитными камнями. Ориентированы костяки головой на запад. Возле одного из погребенных найдена истлевшая узкая сабля с перекрестьем. Помимо могильника, на острове имелся богатый подъемный материал. Напротив, на правом берегу, находилось поселение XII–XIII вв., что позволило датировать могильник этим же временем [15. С. 29].

На могильнике у с. Ясиноватое было обнаружено 12 погребений, которые находились на склоне балки. Захоронения располагались отдельными группами. Они были окружены обкладкой из камней либо перекрыты сплошной каменной закладкой. Во всех погребениях прослеживались ямы подовальной формы. Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, с сезонными отклонениями. Руки у них были вытянуты вдоль туловища, иногда – слегка согнуты в локтях. Ноги вытянуты, за исключением одного погребения, в котором ноги ребенка были подогнуты. Из 12 захоронений лишь 3 принадлежали взрослым, остальные – детям от 6 месяцев до 11–12 лет. Инвентарь был крайне редок. Так, в 2 детских погребениях обнаружены бусинки, в одном зафиксированы 3 астрагала и в одном детском – нож и астрагал. Во всех захоронениях взрослых найдены железные черешковые ножи. В некоторых погребениях прослеживались следы истлевшего дерева, возможно, остатки гробов. Исследователи датируют памятник IX–X вв. [15. С. 27].

Там же, возле с. Лоц-Каменка, был обнаружен могильник, одно из погребений которого раскопал О. В. Бодянский. Это было безынвентарное захоронение, где погребенный лежал вытянуто на спине головой на запад. На остальных (нераскопанных) погребениях было зафиксировано присутствие камня [15. С. 27]. К сожалению, не удалось установить время функционирования могильника и антропологический тип погребенного. Отсутствие антропологических данных позволяет связывать указанные могильники не только с Северным Кавказом, но и с Крымом, где при сооружении могил также использовался камень.

Что касается антропологических данных, то особый интерес может представлять могильник IX–XI вв., выявленный в Нижнем Поднепровье возле с. Первое Мая (Перше Травня), где удалось установить антропологический тип погребенного из захоронения № 1. По словам А. А. Козловского, «он относится к южному средиземноморскому типу, имеет аналогии и среди славянского населения Среднего Поднепровья и аланского населения, которое оставило салтовский могильник» [15. С. 154]. В связи с этим особый интерес могут представлять и три другие погребения могильника. Сам могильник находился в 300 м восточнее связанного с ним поселения. Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, с сезонными отклонениями. Руки были согнуты в локтях, кисти находились на тазе или в районе живота. В двух захоронениях выявлены следы дерева: возможно, остатки гроба. Одно из погребений окружено кромлехом из гранитных камней. Инвентарь практически отсутствовал [15. С. 22].

Материалы археологического и антропологического характера позволяют предполагать, что после 965 г. в древнерусскую крепость Белая Вежа, бывший Саркел, переселялось также население с территории северокавказской Алании. К этой мысли приводят результаты исследований христианских некрополей Белой Вежи древнерусского периода. Там долихокранные черепа средиземноморского типа были обнаружены на христианских кладбищах Белой Вежи возле оборонительных стен в насыпях 19/1, 24/6, 24/1, а также на могильнике возле юго-западной стены крепости [11. С. 355; 12. С. 275–277; 24. С. 318, 324]. Носители долихо-мезокранного средиземноморского типа были представлены в этих насыпях преимущественно мужчинами, хотя встречалось немало и женских черепов этого же типа [24. С. 324]. Что касается могильника у юго-западной стены, то встречающиеся здесь черепа средиземноморского типа принадлежали преимущественно мужской части населения [12. С. 277].

Очевидно, не случайно именно здесь в конце X – начале XII вв. хоронили носителей средиземноморского типа. Отметим, что, как и во многих средневековых городах, в Белой Веже могла иметь место традиция отводить отдельные участки городского некрополя для представителей конкретных этнических групп. Весьма интересно, что на могильнике у юго-западной стены Белой Вежи отмечены в восьми могилах кирпичные обкладки. Некоторые из них (погр. №№ 198, 113 и 111) сохранились полностью, другие – частично нарушены позднейшими погребениями (погр. № 88). Встречались могилы (погр. №№ 5, 51, 64, 65), стенки которых укреплены кирпичами частично или только у головы погребенного, или возле головы и плеч [8. С. 37]. Как уже указывалось, в XI–XII вв. подобные захоронения были широко распространены на территории северокавказской Алании. Однако стенки могил там обкладывались не кирпичами, а каменными плитами [16. С. 182–183]. В связи с этим уместно вспомнить сообщение Константина Багрянородного относительно того, что в районе Саркела «не было подходящих для строительства камней». И совсем не случайно строитель Саркела Петрона стал строить печи и обжигать в них кирпич, из чего и была построена крепость [4. С. 172–173]. Поэтому можно предположить, что из-за нехватки каменных блоков и плит были использованы кирпичи, которые их заменили. С другой стороны, обратим внимание на то, что могилы №№ 103, 145, 149 и 162 у юго-западной стены Белой Вежи, как и на Северном Кавказе, содержали двойные погребения, причем преобладали захоронения мужчин и женщин (в трех случаях мужчины были носителями средиземноморского антропологического типа) [8. С. 49]. Двойные погребения также встречаются, но в незначительном количестве, в насыпях 19/1, 24/6 и 25/1, то есть там, где в могилах имел распространение средиземноморский антропологический тип [8. С. 42–49; 11. С. 355; 12. С. 275–277; 24. С. 318, 324]. В данном случае можно говорить о генетической связи двойных захоронений с носителями такого антропологического типа. В насыпи 17/10 было обнаружено 30 человек, также захороненных парами. Из них 9 принадлежали к монголоидному типу, 4 – к смешанному, 9 были европеоидами. У остальных расовый тип определить не удалось [8. С. 45].

Различные расовые типы зафиксированы на могильнике у Речных ворот у северо-восточной стены крепости. По наблюдениям Л. Г. Вуич, В. В. Гинзбурга и Б. В. Фирштейна, представлены расовые типы, которые встречаются в насыпи 17/10: «помимо европеоидов (долихо- и брахикранных), здесь обнаружены мезокранные черепа, очень близкие по типу с брахикранными, но характеризующиеся небольшой примесью монголоидных черт» [11. С. 367]. Из 19 (20) погребений на могильнике у Северо-восточных ворот 4 (№№ 3, 5, 15/16, 18) являлись двойными. Примечательно, что в двойных погребениях этого могильника обнаружено 3 брахикранных черепа типа среднеазиатского междуречья (САМ), один – переднеазиатского типа (ПА), а также один – мезокран смешанного типа. Весьма характерно, что в могильной яме № 5, где было два скелета, находилось захоронение пожилого мезокрана, который принадлежал к средиземноморскому типу (СЗМ). На этом могильнике второе захоронение долихокрана того же типа обнаружено и в могильной яме № 8. Общая характеристика погребений у северо-восточной стены выглядит следующим образом: все они представлены европеоидами; по черепному указателю половина мужских и два женских черепа относятся к брахикранным типу; треть мужских черепов мезокранны; лишь один череп – типичный долихокранный [11. С. 363]. Создается впечатление, что присутствие здесь черепов средиземноморского типа (СЗМ) отнюдь не случайно.

Из всех 19 (20) погребений могильника у Речных ворот пять были совершены по христианскому обряду в деревянных гробах. Особый интерес представляет погребение мужчины (№ 19), совершенное в деревянном гробу, обложенном как кирпичами, так и каменными плитами. Интересно также двойное погребение 15/16 в яме, имеющей кирпичную обкладку.

Именно наличие на могильнике у северо-восточной стены двойных погребений, могильных ям, укрепленных кирпичом или камнем, позволяет говорить о прямых аналогиях с христианским кладбищем XI–XIV вв., находившимся вблизи Нижнего Архыза на Северном Кавказе [16. С. 182–183]. Из 20 погребений отмеченного могильника 4 содержали незначительный инвентарь. В связи с этим особый интерес представляют серебряные бубенцы из погребения № 13, аналогичные находкам в захоронениях христианского кладбища Верхнедзулатской церкви (XII–XIII вв) и катакомб Змейского могильника (XI–XII вв.) в Северной Осетии.

Таким образом, есть основания связать отдельные захоронения древнерусского времени на могильниках у юго-западной и северо-восточной стен Беловежской крепости, а также в насыпях 19/1, 24/6, 25/1, 17/10, с пребыванием здесь аланов, которые могли мигрировать в Подонье с Северного

Кавказа уже после 965 г. На это указывают совпадения в антропологическом типе (долихо-мезокраны средиземноморского типа), конструкции погребальных сооружений (каменные и кирпичные обкладки могил), обряде погребения (двойные захоронения) и др.

Некрополи, подобные могильникам Белой Вежи у юго-западной стены крепости и у Речных ворот, в предмонгольский период существовали и в других местах Восточной Европы. Наиболее интересны из них “Бабий Бугор”, возникший в XII в. в Болгарах на Средней Волге (продолжал функционировать в XIII–XIV вв.). Это было кладбище, состоявшее из 218 захоронений [25. С. 205-207]. По наблюдениям Е. А. Халиковой, погребения на могильнике Бабий Бугор были как групповые (в некоторых могильных ямах находились кости мужчин, женщин и детей, похороненных в разное время), так и одиночные. Для этих захоронений было характерно то, что покойники лежали на левом боку или на спине головой на запад, лицом на север (56%), на юг (37%) или вверх. Руки погребенных – две (36%) или одна (25%) – были сложены на груди или в верхней части живота. В некоторых могильных ямах зафиксированы остатки деревянных гробов, но не обнаружено ни одного гвоздя. Е. А. Халикова отмечает существование на кладбище двух рядов погребений, одни могильные ямы перекрывали другие. Это может свидетельствовать, что могильник функционировал на протяжении довольно длительного времени. Как считает Е. А. Халикова, это кладбище возникло в XII в. на месте небольшого болгарского поселения X–XI вв. и продолжало существовать в XIII–XIV вв. Для могильника Бабий Бугор были характерны черты, выделяющие данный некрополь из среды средневековых кладбищ Волжской Булгарии. Прежде всего, – в семи случаях зафиксировано присутствие каменных конструкций внутри могильных ям: вдоль стен и на дне могил, иногда над скелетами расположены большие и малые плиты из песчаника. Эта черта, по мнению Е. А. Халиковой, находит прямые аналогии на синхронных христианских могильниках Верхнего Прикубанья на Северном Кавказе и в Белой Веже на Дону. Аналогии с захоронениями на Северном Кавказе имеют также впускные погребения в семейные усыпальницы, которые иногда встречаются на могильнике Бабий Бугор, инвентарь из которого имеет определенные соответствия на Северном Кавказе. Прежде всего это касается сережек со вставками из сердолика [25. С. 205-211].

Данные антропологии не противоречат предложенной версии. Т. А. Трофимова отметила близкое сходство краниологических серий из Бабьего Бугра с антропологическими материалами из Верхнесалтовского катакомбного могильника хазарского времени на Северском Донце, а также известную близость с черепами так называемого понтийского типа из средневековых курганных могильников Северного Кавказа [22. С. 97-98]. К этому добавим наблюдения В. П. Алексеева относительно распространения в средние века на западе Северного Кавказа в Прикубанье грацильного долихокранного антропологического типа, весьма близкого к верхнесалтовскому [6. С. 281]. На основании того, что на Бабьем Бугре антропологический тип, особенности погребального обряда и инвентарь находят прямые аналогии с христианскими могильниками северокавказской Алании, Е. А. Халикова сделала вывод, что данный некрополь Волжской Булгарии был оставлен аланами, переселившимися сюда с Северного Кавказа в XII в. [25. С. 210].

В результате возникает вопрос: с чем было связано появление переселенцев из северокавказской Алании в городах степной части Восточной Европы и в Хорезме? Кажется, ответ на этот вопрос может дать сообщение П. Карпини о городе Орнас (Ургенч), где проживали аланы-христиане: «А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок» [3. С. 46]. Получается, что мы имеем дело с миграциями населения Алании, связанными с торговой деятельностью. Известно, что в XIII в. мусульманские и европейские авторы неоднократно упоминали аланских купцов. Так, арабоязычный автор второй половины XIII в. Ибн Абд аз-Захыр сообщает, что в начале 60-х гг. XIII в. египетский султан Бейбарс направил к золотоордынскому хану Берке посольство с письмом. Характерно, что письмо он отправил «с одним доверенным лицом из Алланских купцов» [5. С. 47, 55]. Всё это дало основания А. Ю. Якубовскому сделать вывод: «Восточные источники, так же как и византийские, а в равной степени и русская летопись согласно говорят, что в XI–XII вв. и даже в XIII в., т. е. уже при татарах, аланские купцы занимают важное место в торговле, которая в то время интенсивно шла как по волжскому пути из Болгар в Среднюю Азию, Кавказ, Иран и Дальний Восток, так и через степи в Крым, а оттуда на Трапезунд в Малую Азию, на Константинополь, а также велась с русскими княжествами» [14. С. 21].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
2. *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.; Л., 1957.
3. *Карпини П.* История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.; Л., 1957.
4. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
5. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941.
6. *Алексеев В. П.* Результаты исследований палеоантропологического материала из могильника у северного Зеленчукского храма // Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XIII веках. Ставрополь, 1993.
7. *Алексеев В. П., Бесплексева К. Х.* Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // Материалы и исследования по археологии СССР. №114. М., 1963.
8. *Артамонова О. П.* Могильник Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3). №109. М., 1963.
9. Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
10. *Ванеев З. Н.* Средневековая Алания. Сталинири, 1959.
11. *Вуич Л. Г., Гинзбург В. В., Фирштейн Б. В.* Черепа из погребений у оборонительных стен Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3). №109. М., 1963.
12. *Гинзбург В. В.* Антропологический состав населения Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3). №109. М., 1963.
13. *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII в.в. Киев, 1884.
14. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
15. *Козловский А. О.* Историко-культурный розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Київ, 1992.
16. *Кузнецов В. А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
17. *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII в.в. // Советская археология. 1973. № 2.
18. *Кузнецов В. А.* Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993.
19. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
20. *Кулаковский Ю. А.* Епископа Феодора «Аланское послание» // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1898.
21. *Милорадович О. В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат. // Материалы и исследования по археологии СССР. №114. М., 1963.
22. *Трофимова Т. А.* Антропологический состав населения г. Болгара в X–XV в.в. // Антропологический сборник (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 33). Вып. 1. М., 1956.
23. *Успенский Ф. И.* Образование Болгарского царства. Одесса, 1879. Приложение № 5.
24. *Фирштейн Б. Ф.* Черепа из насыпей возле Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3). №109. М., 1963.
25. *Халикова Е. А.* О могильнике «Бабий Бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Поступила в редакцию 01.10.15

O. V. Bubenok

BISHOP THEODORE'S REPORT ON ALANIAN "SETTLEMENTS" IN «SCYTHIA AND SARMATIA» AND THE DEGREE OF ITS AUTHENTICITY

The paper analyzes the information reported by Bishop Theodore, who visited the lands of North Black Sea Region and North Caucasus at the beginning of 13 century AD. He wrote about voluntarily migrations of the North Caucasian Alans to the limits of «Scythia and Sarmatia». As a result it was concluded that Theodore named «Scythia» steppe spaces of the North Black Sea region and the North Caucasus; by the name «Sarmatia» he meant the territories located to the east of North Caucasus. This supposition comports with the information from some written sources about the Alanian population in the cities of steppe part of Eastern Europe and in Khwarizm on the eve of the Mongols' arrival. The data of archaeology and anthropology fix also newcomers from North Caucasian Alania in Belaya Vezha on Don,

in Lower Dniper region and on the territory of Volga Bulgaria in 10-13 centuries AD. Thus, Theodore's report is about the migrations of merchants from the territory of North Caucasian Alania.

Keywords: Bishop Theodore, Alans, Scythia and Sarmatia, migrations, merchants.

Бубенок Олег Борисович,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий отделом Евразийской степи
Институт востоковедения им. А.Е. Крымского
Национальной академии наук Украины
01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, 4
E-mail: helgebub@i.ua

Bubenok O. B.,
Doctor of History, Professor,
Chief of the Eurasian steppe department
Institute of Oriental studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine
01001, Ukraine, Kiev, Grushevskogo st., 4
E-mail: helgebub@i.ua